

The background image is a vibrant, fantastical cityscape. In the foreground, a wide river flows through the city, reflecting the sky and buildings. A stone bridge with ornate railings crosses the river. The city is filled with tall, ornate buildings that blend classical European architecture with futuristic, crystalline structures. The sky is a deep blue with scattered white clouds. The overall atmosphere is one of a magical, advanced civilization.

Зазеркалье

Ольга Бор

Ольга Б. Зазеркалье

<https://litres.ru/74183382>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Лики проста и понятна. Она - будущий архитектор, у неё есть любимый мужчина и обожаемая мать. Но однажды в её крови пробуждается... магия. И переворачивает всё с ног на голову. Теперь ей придётся отправиться в другой, ненавистный ей мир, чтобы найти там свою судьбу и разобраться в собственном прошлом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29

Ольга Б. Зазеркалье

Глава 1

Вход располагался на крыше, в будке шахты. Прежде чем коснуться дверной ручки, я обернулась назад. На город. Частоклы небоскрёбов прорастали сквозь жёлтую пенку смога. А в подножьях их текли артерии-шоссе, наполняемые алой рекой автомобильных огней.

Это был мой город. Здесь я родилась и выросла, и здесь я прожила девятнадцать лет своей жизни. Но теперь он отторгал меня, как иммунные клетки отторгают болезнь. Потому, что я и есть болезнь.

Перед глазами против моей воли возникло лицо Антона. Зелёные глаза, веснушки на бледной коже, римский нос и пшеничная борода.

- Тебе здесь больше нет места, Лика, - сурово сказал он. – Ты должна уйти. Так будет лучше для всех нас.

А в глазах его, таких знакомых и любимых, плескалась... гадливость.

Для всех. Ха! Как будто это не он неделю назад клялся мне в вечной любви, и врал, что будет со мною до самой смерти. Предатель! Хотя... У него хотя бы хватило смелости сказать

мне это в лицо. А мама... Мама даже не вышла меня проводить. Только телевизор в её комнате орал громче обычного, будто она хотела заглушить все звуки моего исчезновения из её жизни. А за окном мансарды бурлила городская суeta, гудели в пробках автомобили, хохотали дети во дворе и выла неподалёку сирена. Город продолжит жить и дальше. Но уже без меня.

Пальцем я вытерла слёзы, злые и непрошенные, и потянула дверь на себя. Та легко, без скрипа, отворилась. За порогом не было... ничего. Ни ожидаемой в таком месте лестницы вниз, ни волшебного портала. Вообще ничего. Только стена непроницаемого чернильно-чёрного мрака. Моё сердце, непрерывно нывшее последние три дня, испуганно встрепенулось.

- Ну и пофиг, - сердито проговорила я и шагнула вперёд.

Мне казалось, что я летела в невесомости долгие часы. Я отчётливо помню запах жжёной резины и нездешних цветов, и цветастый калейдоскоп перед глазами, будто взбесившаяся радуга решила станцевать мне тверк.

А потом всё кончилось, я вдруг ощутила что-то твёрдое под ногами и, не устояв, сползла кулем на пол. Меня стошнило, в воздухе заплескала белая мошкара, а перед глазами, будто скача на батуте, запрыгал зал, отделанный тёмным мрамором. Огромный и практически пустой. Только за конторским столом сидела пожилая женщина и с любопытством глазела прямо на меня.

- Добро пожаловать в Кантас, - сказала она. – Из зазеркалья?

- Мне кажется, это Кантас – зазеркалье, - ответила я, с трудом ворочая онемевшим языком.

- Понимаю, - губы женщины расплылись в улыбке. Морщинки у серых глаз её сложились веером. Она выглядела так обычно... Кругленькая бабушка, пышнотелая, добродушная и улыбчивая. На губах – коралловая помада, седые кудряшки покрашены в пепельный блонд. Неужели, и она – проклятая? «Тут все проклятые, Лика», - напомнила я себе. А вслух спросила:

- Тут всегда так пусто?

- В венах жителей Старки уже не осталось магии. Быть может, ты – последняя. Скоро это здание отдадут гильдии цветов, а я, наконец, уйду на пенсию. Привратник больше не нужен. А внучата меня заждались.

Я понуро кивнула. Ещё двести лет назад не было никакого Кантаса, была только Старка, в которой наравне со стремительной индустриализацией существовала магия. Люди великодушно терпели проклятых, пока те не спровоцировали планетарную катастрофу. Рискованный ритуал пробудил спящие вулканы по всей планете, а серии смертоносных землетрясений уничтожили сотни городов. Погибли миллионы. Ситуацию смогли взять под контроль, но люди больше не пожелали терпеть рядом с собой проклятых магов. Их анклавы уничтожали ковравыми бомбардировками, а антима-

гическая полиция день и ночь проводила облавы в городах. А потом появился Кантас. Никто не знал, как маги этого добились. Но говорили, что он точь-в-точь такой же, как Старка, только изуродованный проклятием. Как и все, живущие здесь. Как, теперь, и я сама.

Люди милосердно позволили проклятым уйти, и даже отмерили на это целых три дня. В больших городах остались порталы, через которые маги покинули Старку. Их специально оставили открытыми - иногда даже в благородных семьях Старки рождались маги и, стоило их проклятью проявиться, как их ссылали сюда, в Кантас. А пятьдесят лет назад наши лучшие учёные смогли выявить ген, отвечающий за проклятие. И в порталы стали опускать свёртки с грудными младенцами. Только вот... у меня не было никого гена. Меня проверяли. Трижды.

- Я здесь по ошибке, - сказала я бабушке-привратнице. – У меня нет гена.

- Страж портала не пропустил бы тебя, не будь ты магом, - пожала плечами привратница, похоже, её моё заявление не слишком впечатлило. – Ты там, где и должна быть, деточка. Тебя как зовут?

- Лика.

- Присядь пока, Лика, - она махнула рукой, и рядом с ней, из ниоткуда, появилось кресло, обтянутое жёлтым плюшем. – Я уже вызвала куратора из академии. Он скоро будет.

- Какой ещё академии? – я опасливо покосилась на кресло.

На вид такое мягкое и удобное, вот только проклятое. Лучше его не касаться.

- Магической, разумеется. Тебе там понравится.

Это было наглое враньё. Мне совершенно тут не нравилось. Не нравился этот странный замок с зубчатыми башенками, тёмной машиной нависающий над долиной. Не нравился внутренний двор, по которому туда-сюда сновали студенты в тёмных мантиях, все до последнего - проклятые. Воздух тут так и трещал от колдовских серебряных вспышек, а на главной башне, высоченной и мрачной, то и дело били часы. Будто колокол на кладбище, провожающий в последний путь катафалк с мертвецом.

Куратор, весёлый паренёк с дредами, завязанными в охапистый хвостик, повёл меня через двор. По дороге он хохмил, пытаясь меня рассмешить, и широко улыбался, сверкая белыми зубами. Но мне было плевать. Как плевать было и на проклятый город, бегущий вдоль машинных окон, причудливый, искаженный, но так похожий на тот, другой. На тот, что меня отверг.

Мы свернули под кирпичную арку и оказались в маленьком замковом дворике, в котором стоял настоящий пряничный домик. Весь изумрудно-расписной, с полосатыми входными колоннами и ажурными наличниками, выбеленными матовой краской.

- Ректор уже ждёт тебя, - пробурчал куратор. Вид у него был обиженный.

- Женщина, конечно? – скептически спросила я, оглядывая резные перила крылечка, покрытого ковровой дорожкой.

- Не угадала.

- Тогда мне страшно, - фыркнула я, решительно поднимаюсь по ступеням. Дверь со скрипом отворилась, впуская меня на веранду. Я потопталась на лоскутном коврикe и, любопытно озираясь, зашла внутрь. Большие окна, завешанные языками тюли, в углу кухонный гарнитур, рядом трюмо, накрытое кружевной салфеткой. Я будто стояла на кухне дачи в Старке, чистенькой, но бедненькой, с нехитрыми безделушками, купленными на пенсионные гроши.

- Чай будете?

Я вздрогнула и обернулась. За круглым столом, укутанным накрахмаленной скатёркой, сидел молодой мужчина. Светло-серые глаза, застывшие в прищуре, на щеках – щетина, борода узким серпиком и темно-каштановые волосы, собранные в хвост. Перед мужчиной стояли две чайные чашки, самовар с золочённым краником и хрустальная плёшка с мёдом. А главное – я была уверена, мужчины секунду назад в комнате не было, а стол был совершенно пуст. Похоже, проклятые обожали подобные фокусы.

- Вы ректор? – не слишком вежливо спросила я. Потому, что на ректора мужчина походил в последнюю очередь, как, впрочем, и на постоянного обитателя этой пряничной фазенды. Ему бы больше подошла кожаная косуха, натянутая прямо поверх этой дурацкой футболки с плюшевым медве-

жонком, а ещё мотоцикл и баклаха с пивом.

- Старкиане всегда так догадливы, - с сарказмом заметил мужчина. – Неудивительно, вы ведь из мира чистой науки.

Его серые глаза склеились в щёлочки, оперённые частоколом тёмных ресниц.

- То есть, да? – уточнила я.

- Садитесь, - вместо ответа предложил он. И по мановению его руки, рядом с ним возник стул, деревянный, слегка колченогий, с потрёпанной бархатной спинкой.

«Опять», - вздохнула про себя я. А вслух сказала:

- Я постою.

Ректор неожиданно улыбнулся. Улыбка оказалась приятной, мальчишеской и очень озорной. А потом он сказал:

- Вам будет трудновато выжить в Кантасе, если вы собираетесь избегать вещей, которых коснулась магия. То есть, простите, проклятие. Старкианцы ведь так говорят? И, если это вас утешит, стул – совершенно обыкновенный. Просто он стоял в другой комнате, а мне было лень за ним тащиться.

- Могли бы и сходить, - нагло заявила я. – Из-за такой ерунды подвергать себя проклятию...

Ректор внезапно расхохотался, а, отсмеявшись, резко приказал:

- Сядьте уже, наконец!

И я от неожиданности подчинилась. Он удовлетворённо кивнул, придвинул ко мне одну из чашек, уже наполненную ароматным чаем, и неторопливо заговорил:

- Итак, начнем сначала. Меня зовут Влад Кутов. Я – ректор столичной магической академии №17.

- А я...

- Я знаю, кто вы, - скучающим тоном перебил меня ректор Влад. – Анжелика Васильева, студентка вечернего отделения архитектурного института. Практически отличница. Последний год вы работали секретарём в архитектурном бюро, и даже были на хорошем счету у начальства, пока не устроили в офисе пожар.

- Это не я! – воскликнула я. На глаза опять навернулись слёзы. Я будто воочию вновь почувствовала запах гари, услышала изумлённые крики, почувствовала жар будто рождённого внутри меня огня. – Я не при чём! Я не хотела!

- Нет, вы при чём, и вы хотели, - жёстко возразил Влад. – В конце концов, этот жирный ублюдок, ваш босс, уже не в первый раз пытался залезть к вам под юбку. Но никогда раньше он не был так пьян и настойчив... Разве нет?

Он бегло улыбнулся, а пристальный прищур просвечивал меня, будто рентген.

- Откуда вы знаете? – с ужасом прошептала я и, озарённая жуткой догадкой, пробормотала: - Вы читаете мысли...

- Только те, что крупно написаны на вашем лбу. Особенно хорошо читаются записи вроде «караул, тут всюду проклятые», «пора бежать» и «этот парень не похож на ректора». А, что касается вашего вопроса, наши связи со Старкой куда крепче, чем вам говорят. В конце концов, мы – один мир,

пусть и разделённый надвое. Временно разделённый надвое.

- Вы и правда не похожи на ректора, - заторможено призналась я, а этот гад ехидно ухмыльнулся. – И я не могу быть проклятой. У меня нет гена.

- Вы не можете быть проклятой, - подтвердил он, а когда я с надеждой заулыбалась, с садистским наслаждением продолжил: - Потому, что «проклятие» - дебильный тезис вашей пропаганды. Что касается гена... Вот, взгляните.

Из ниоткуда (опять!) Влад достал листок и протянул мне. Бланк медицинского анализа.

- Вы же ходили в медпункт после пожара?

Я растерянно кивнула. Ожог на руке не давал мне спать. И на следующий день я пошла в частную клинику в нашем доме. Я ходила туда с самого детства, сначала с мамой, потом, повзрослев, одна. И, кажется, у меня брали кровь... Я ещё раз взгляделась в бланк. Знакомая шапка со стилизованной змеёй, трехбуквенная аббревиатура и даже штампик тот самый – чуть насыщеннее с одной стороны, чуть бледнее с другой. И дата – позавчера. Под моей фамилией красовалось длинное-длинное название гена и рядом одно слово. «Обнаружен».

- Этого не может быть... - пролепетала я. – Меня проверяли в детстве! Трижды! По-вашему, они ошиблись?! Три раза подряд?!

- Я так не думаю, - спокойно возразил Влад. – Полное овладение магией, так называемое «пробуждение», происхо-

дит лет в восемнадцать-девятнадцать. Потому у вас прекрасный возраст для поступления в академию. Но предвестники появляются с самого детства. Ребёнок видит вещие сны, природа и вещи вокруг отзываются на его присутствие, неведомая сила переносит его с места на место и двери открываются сами собой. У вас же такого не было?

Я помотала головой.

- Значит, в детстве и гена у вас тоже не было, - заключил ректор.

- А это тогда что? – я кивнула на проклятую бумажку.

- Хороший вопрос. Вероятно, произошла спонтанная мутация. И случилось это совсем недавно. Иначе, магия провалилась бы раньше. Вспоминайте, что происходило в вашей жизни в последние недели?

- Да ничего! – расстроено бросила я, косясь на бланк с таким ужасом, будто он мог превратиться в ядовитого паука и ужалить меня за руку. – «Спонтанная мутация», надо же... Не ожидала, что проклятые знают такие слова.

- А чего вы ожидали? – с сарказмом осведомился Влад. – Что мы живём на болотах в избушках на курьих ножках и водим сатанинские хороводы вокруг костров?

Я промолчала. Город, через который мы ехали в академию, был похож на наш. Только казался чересчур уж ярким и живописным, а в небесах парили цветастые дирижабли.

- Кстати, это мы подбросили старкианцам идею с геном, - сообщил в пространство ректор.

- Зачем? – изумилась я.

- Потому что проще работать с младенцами, чем с половозрелыми безмозглыми девицами, накушавшимися сказочек с экранов, - отрезал Влад.

- Это я-то безмозглая?! – разозлилась я. - Да вы знаете, что я...

Не знаю, что я хотела сказать. Что я - отличница и получательница сразу двух архитектурных грантов? Что я знаю наизусть уголовный кодекс и Шекспира? Какое это теперь имеет значение? Я в мире проклятых. И для меня нет пути домой.

- Что вы? – не дождавшись продолжения, спросил Влад.

- Неважно. Я устала и хочу спать... - выдохнула я, чувствуя лишь отчаяние.

- Это легко устроить. Кастор проводит вас в женское крыло. А завтра с утра я жду вас на занятиях. Я присоединил вас к группе кирацких горцев. Они знают о магии примерно столько же, сколько и вы. То есть, ничего. Только будьте осторожны... Ребята весьма зубасты. В прямом смысле этого слова.

Глава 2

Моё утро началось с молитвы. Только вот молилась не я. Лучи солнца коснулись моих век, продираясь сквозь ресницы к белкам слепленных глаз. А неподалеку чей-то высокий и печальный голос бормотал:

- Господи, даруй мне силы и мудрость, благослови сей день...

Я с трудом открыла глаза. Увидела женскую фигурку, стоящую на коленях в углу у крохотного иконостаса. Она исто-во молилась, то и дело осеняя себя крестным знамением. Я, конечно, знала, что у меня есть соседка. Но вчера, когда я без сил притащилась в комнату, её ещё не было. Я растяну-лась поверх покрывала и так и уснула, не разбирая кровати.

Молитвенный речитатив вдруг оборвался, и соседка, не оглядываясь, проговорила:

- Доброе утро, - и задула теплящуюся у икон свечу.

- Доброе, - подтвердила я, хотя совершенно так не думала.

Ну что может быть доброго в утре в Кантасе?

Соседка обернулась. У неё было простое, но миловидное лицо, большие глаза, серые, в медовую крапинку, и волосы цвета наливной пшеницы, вызолоченной лучами закатного солнца. Густые и чуть выющиеся, они спадали волнами до самой талии. А бледные щёки её пересекали светло-голубые полосы, будто причудливые татуировки, сияющие изнутри.

Я читала в старинных романах, что такие штуки у проклятых называются «выходом силы». Соседка совсем недавно прибегала к колдовству...

- Я – Ани, - сказала соседка и для убедительности ткнула себя указательным пальцем в грудь.

- Лика.

- Ты же любишь газировку, Лика?

- Ну... Кто же не любит?

- Тогда лови, - Ани нагнулась и достала банку из маленького холодильничка под столом и швырнула её мне. – День сегодня будет жаркий. И я бы на твоём месте не стала одевать этот ужасный свитер.

- А у меня больше ничего нет, - сердито отрезала я.

Да отличный же свитер! Шоколадного цвета лапша, спускающаяся чуть ниже бёдер. Мы купили её вместе с Антоном в уютной лавчонке в самом центре города. В тот день мы до вечера шатались по старинным улочкам, глаза на витрины, расцветенные неонами. А потом, внезапно, хлынул ливень, и мы прятались от него под козырьком кофейни, пили капучино из пластиковых стаканчиков и, хохоча, считали прохожих под жёлтыми зонтами. Я почувствовала, как веки жгут непрошенные слёзы. Нет! Я больше не буду думать о нём! Никогда-никогда!

- Совсем ничего нет? – тем временем растерянно спрашивала Ани.

- Совсем, - хмуро подтвердила я.

Нет, никто не запрещал мне взять чемодан в чёрную дыру, ведущую неведомо куда. Просто... Я думала, что это – конец. Честно говоря, я и сейчас думаю, что это – конец. Но для достойной его встречи мне бы не помешала футболка.

- И откуда ты такая... бесприданница? – поинтересовалась девушка.

- Из Старки.

- Из Старки? Серьёзно? Не шутишь?! Я думала, там уже не осталось наших...

- Я – не ваша! – выкрикнула я с такой неожиданной для себя злобой, что Ани отшатнулась. А на её добродушном лице проступил испуг.

- Раз ты здесь, - опомнившись, рассудительно заметила она, - значит – наша.

А в глазах её вдруг загорелось сочувствие.

- Нет! Я – не проклята! И отвали от меня! – рявкнула я и выбежала из комнаты, чувствуя, как по щекам тёплыми дорожками струятся слёзы.

Тоже мне! Святоша! Проклятая святоша! Я шла по коридору, кипя от гнева и, кажется, даже что-то злобно бормотала себе под нос, когда меня внезапно окликнули.

- Анжелика Васильева! Да-да, барышня! Я к вам обращаюсь!

Я вскинула глаза. Передо мной стояла пожилая дама, облачённая в чёрную мантию до пят. Несмотря на тот же возраст, она совсем не походила на добродушную привратни-

цу. Она была высоченная и худая, словно лодочная жердь. В длинное и тощее лицо её вьелось выражение безразличного снисхождения – опущенные уголки губ, сведённые вместе брови, крылья носа в трещинах морщин. К мантии её был приколот бейджик. «Ипполита Гор», - было сказано там. – «Завхоз».

- Кладовщик ждёт вас! - сказала она, убедившись, что завоевала моё внимание. – И поторопитесь, барышня! Через сорок минут вы должны быть на парах!

- Кладовщик? - растерянно переспросила я.

- Да-да, барышня, кладовщик. Вы ещё и глуховаты? Вас ждёт ваш комплект мантий. Также я приказала выдать вам какую-нибудь одежду из наших запасов...

Она окинула меня пристальным и презрительным взглядом.

- Нормальный у меня свитер! – не выдержала я.

- Ну, если вы так говорите, - Ипполита ещё больше поджала губы. - Налево по коридору до конца, потом по винтовой лестнице вверх. Стучите три раза.

И, не дожидаясь ответа, она двинулась прочь, чеканя шаг железными каблучками тупоносых ботинок.

А я пошла искать винтовую лестницу. В конце концов, если я одену мантию, эти... проклятые будут меньше пялиться на меня. «Конечно», - охотно согласился ехидный голосочек в моей голове, - «ведь, если ты оденешь мантию, ты станешь одной из них. Такой же проклятой».

Коридор общежития, несмотря на весь свой наружный замковый антураж, был совершенно обычный. Белённые стены, потёртый паркет бледно-голубого цвета и флуоресцентные лампы под потолком. Зато винтовую лестницу, избегающую вокруг гранитной колонны, освещало пламя факелов. В их свете неверные тени плясали у моих ступней и скользили по стенам чернющей рванью. Мне было не по себе, и сердце заполошно колотилось в горле, прямо в такт моим шагам. Но вот и дверь. Дубовая, в старинной железной оковке. Я вскинула руку, чтобы постучать. Но замерла - из-под двери доносились голоса. И один из них мне был уже знаком.

- Они вернулись, Герц. В этом нет никаких сомнений, - этот сочный баритон я узнала сразу. Ректор Влад.

- Проблемы старкианцев – это проблемы старкианцев, - проронил другой голос. Старческий, глухой и скрипучий, словно ржавые петли после долгой зимы.

- Пока живут они, живём и мы. Тебе это прекрасно известно.

- Второй верил, что, разорвав связь, Кантос обретёт свободу.

- Или небытие.

Из-за двери донесли поспешные шаркающие шаги, будто кто-то в смятенье бегал по комнате.

- И ты предлагаешь спасти врагов? Опять?!

- Я предлагаю спасти себя. Опять.

- Они не готовы, Владик. Их Круг не готов, а Совет Ше-

стерых, и вовсе, - фикция. Да ещё эта девица, свалившаяся на нас из Старки... Её нет в списке! Я проверил. Дважды!

- Естественно. Её послали Они.

- И ты так спокойно об этом говоришь?

- Ты уже побегал за меня кругами. Не вижу причин повторяться, - шарканье смущенно умолкло. – Ну, хочешь, я позаламываю руки?

- Тебе всё шуточки... Агент Пришлых его веселит... Подумать только! Вот твоя бабка...

- Вот, только не начинай, дедуль! - резко перебил старика ректор. – Не время для сентиментальных сказок! Обещаю, я выясню, зачем она здесь. Когда... она сама это вспомнит.

- Тогда будет поздно, Влад. Мне плевать с высокой колокольни на проблемы старкианцев, но здесь этой погани быть не должно. Избавься от неё, Влад, или я сделаю это за тебя.

- Даже не вздумай! Да и это всегда успеется...

Из кладовой донеслись шаги, не старческие и шаркающие, а твёрдые и решительные. Они приближались. И дверь стремительно отворилась. Прятаться тут было негде, а бежать – уже поздно. Так что я сложила руки на груди и натянула на лицо самое вызывающее выражение, на которое только была способна. На пороге стоял Влад. Растрёпанные волосы, рванные белённые джинсы, та же дурацкая футболка с медвежонком, а поверх всего это великолепия – распахнутая чёрная мантия с капюшоном, расшитым серебром.

- Ректор... - процедила я и в упор уставилась на Влада.

Он вроде бы даже смутился. Не покраснел, конечно, врать не буду, но глаза у него забегали.

- Госпожа Васильева, - проговорил он. – Вы пришли сюда за мантиями?

- О да, - согласилась я, сверля его взглядом, - но кладовщик был занят. Обсуждал с вами моё убийство. Это же я – та девица, про которую вы говорили?! И не вздумайте мне врать! Привратница сказала, что я – первая старкианка за долгие месяцы.

- О, вы желаете обсудить со мной детали подслушанного вами разговора? – развеселился ректор. Он уже овладел собой и теперь серый прищур его глаз так и сочился насмешкой.

- Да желаю! – воскликнула я. – Я – никакой там ни агент Пришлых, понятно вам?!

- Главное, чтобы это было понятно вам, - усмехнулся ректор и с широкой ухмылкой поинтересовался: - Вы хотя бы знаете, кто такие Пришлые?

- Понятия не имею! – агрессивно отрезала я.

- Я так и думал. Вот видите, как много вам предстоит узнать? Жду вас на занятиях.

И он нагло попытался обойти меня.

- Разговор не закончен! – отрезала я и шагнула влево, заступая ему путь.

- Разве?

И этот наглец внезапно исчез, только эхо, мгновение спу-

стя, притащило откуда снизу топот быстрых шагов. А потом вдруг раздался знакомый голос. Он звучал из-ниоткуда, будто сам воздух решил развязать со мной беседу.

- Поторопитесь, госпожа Васильева. Я терпеть не могу опаздывающих студентов. И не забудьте про мантию!

- Про мантию, ну конечно... - пробормотала я и покосилась на дубовую дверь.

За ней меня ожидал безумный старик, желающий от меня избавиться. Но Влад же ему вроде запретил... А мне тоже очень хотелось кое от чего избавиться. Например, от отличного, но слишком жаркого свитера. И вздохнув, я, забыв постучать, толкнула тяжеленую створку.

- Завхоз сказала мне прийти за мантиями! – решительно воскликнула я и изумлённо замерла. Вместо ожидаемой крохотной каморки моим глазам открылся огромный зал. Ввысь убегали книжные полки, оперённые корешками колдовских томов. Выстроились вдоль стен стеллажи, заставленные картонными коробками. Рядом с каждой плясала в воздухе номерная руна, сияя сочным багрянцем. У зала не было потолка – кирпичные стены обрывались в некуда, только торчали ввысь деревянные балки, словно пики вонзаясь в голубое небо.

- Ну, естественно, ты припёрлась! – передо мной из ниоткуда (проклятые всегда так делают!) возник старик. Он был высоченный, очень жилистый и широкоплечий. Его серебряные волосы были заплетены в толстую косу, а одет он был

в цветастый халат, из-под полов которого торчали носы расшитых золотом сапог. Смуглое лицо его бороздили морщины, левый глаз был затянут бельмом, зато правый светился нестерпимым синим пламенем.

- Сядь и жди! – приказал он, насладившись произведённым его появлением эффектом. Из ниоткуда (как обычно!) вылетел стул и ударил меня под колени. Я не удержалась на ногах и... села.

А старик исчез. Только из-за леса стеллажей доносилось глухое и злобное бормотание. Где-то тикали часы, и сквозь дыру в потолке видно было голубое небо, белые облачка и стаи проносящихся над долиной птиц.

- Забирай и убирайся! – старик возник рядом. А под ноги мне свалилась картонная коробка, до верху заполненная ворохом вещей.

- Кто такие Пришлые? – неожиданно для себя спросила я. Старик опустил на меня взгляд и долго буравил меня своим единственным сияющим глазом, а потом, стремительно склонившись ко мне, прошипел:

- Ответ здесь, девка, - и больно постучал по моему лбу своим сухим костистым пальцем. А мгновение спустя я обнаружила, что сижу на попе у запертой дубовой двери, опираясь ладонями на лестничный камень.

- Проклятые проклятые! – в сердцах бросила я и потащи-лась вниз, в свою комнату.

В коробке обнаружились сразу три мантии. Первая - бар-

хатная, со спиной, щедро расшитой золотыми узорами. Вторая - шелковая, с серебряной окантовкой капюшона. А третья, совсем простая, была пошита из чёрной холщовины. А под мантиями лежала обычная одежда. Я с удовольствием переоделась в джинсовую юбку до колена и белую блузку без рукавов, накинула на плечи самую простую мантию и встала перед зеркалом. Оттуда на меня смотрела миловидная девушка. Волосы цвета подмороженного каштана, косая чёлка, янтарно-зелёные глаза. По светлой коже медной взвесью рассыпались веснушки. На шее нервно бьётся венка. На плечах – чёрная мантия, спускается до пола холщовой волной.

«Неплохо для проклятой», - шепнул внутри меня ехидный голосок.

«Заткнись!» - приказала я сама себе и побежала искать свой класс. Судя по стрелке на часах, занятия уже начались.

И я побежала на улицу, сверяясь с картой в мобильном телефоне. Это было самое странное в Кантасе! Проклятые пользовались мобильниками! Разве они не должны связываться друг с другом с помощью наливных яблочек и фарфоровых тарелочек? Но нет. Вместо мётел у проклятых были велосипеды, автомобили и электросамокаты. И небоскрёбы вместо лесных избышек. И чёрные мантии на современно одетых студентах казались скорее данью странной традиции, чем символом страшного проклятия.

Нужный мне класс нашёлся в огромной круглой беседке, заросшей до самой крыши выющим плющом. Я толкну-

ла витражную дверь и оказалась в большой аудитории. Парты, расставленные по кругу, будто в амфитеатре, спускались вниз, к учительскому столу в центре. За которым и сидел он. Влад.

- Вы опоздали, госпожа Васильева, - он неторопливо развернулся на скрип дверных петель.

- Меня задержали! – нагло заявила я.

Мне показалось, или по его губам скользнула улыбка?

- Садитесь, - он кивнул на единственное свободное место. Парты на первом ряду. Справа там уже сидел сероволосый парнишка, который тут же на меня заинтересованно уставился.

Я села на место, с любопытством глядя на новых однокурсников. Что там Влад про них говорил? Что они горцы и что они... зубасты. И что это, чёрт побери, должно означать? Выглядели ребята совершенно обычно. Смуглые и белокожие, улыбчивые и хмурые, голубоглазые и кареглазые. Вот только... волосы. У всех они были одного цвета. Серого. Будто вороньи пряди, тронутые серебряной сединой. Или пепел, залитый проливным дождём. Очень странно...

- А ты правда из Старка? – внезапно спросил мой новый сосед по парте. У него был приятный голос. Мягкий тенор.

Я повернулась к нему. Широкий подбородок, загорелая кожа, серые миндалевидные глаза, нос с выразительной горбинкой. Странные волосы его были сплетены в мелкие косички и завязаны на затылке небрежным узлом.

- Правда, - со вздохом ответила я.

- И как там?

- Нормально, - ответила я, имея ввиду, что здесь-то нет.

Подумав, я добавила: - Совсем по-другому, но чем-то похоже.

- Ну да. Я – Стас.

- Лика.

- Приятно. Ты плавать умеешь?

- Васильева! Кажется! – окликнул нас разъяренный ректор. – Вы вообще меня слушаете?

- Конечно, - с достоинством подтвердил Стас. А я на всякий случай промолчала. Я всё же подозревала, что ректор читает мысли.

- Васильева, выйдите в центр! – не удовлетворился ответом Влад.

- Зачем? – испугалась я.

- Послужите иллюстрацией к моим словам.

Ещё бы я знала, что он сказал... Я нехотя, с протяжным скрипом, отодвинула стул. Мне вдруг стало стыдно. Мне никогда раньше не делали замечаний на занятиях. С другой стороны, в Старке были настоящие занятия, и настоящие знания, а не... это.

- Быстрее, Васильева. Мы все вас ждём, - нетерпеливо прищёлкнул пальцами Влад. – Встаньте вот здесь и продемонстрируйте нам вашу магию.

- Я не умею! И она не моя! – и с вызовом уставившись на

Влада, я отчеканила: - Я здесь случайно!

С галёрки посыпались смешки, мужской голос грохотнул:

- Идиотка!

А женский вздохнул:

- Старкианка...

- Тихо! – голос Влада, усиленный чарами, раскатным громом наполнил зал и не оставил места для иных звуков. – Взгляните на чучело, - велел он, когда наступила тишина.

Я взглянула. Соломенная кукла с меня ростом торчала на шесте в паре шагов от учительского стола. Такие, должно быть, охраняли поля от прожорливых птиц, покушавшихся на щедрый урожай. Чучелу не хватало только широкополой шляпы и серпа на подгнившем древке. Зато у него было лицо – вырезанный из бумаги кружок с синими монетками глаз и алым клоунским ртом.

- Сожгите его! – приказал Влад, когда я вдоволь налюбовалась.

- Вы издеваетесь?! – опешила я.

- Не торопитесь. Сначала закройте глаза. Представьте себе, как случайная искра падает чучелу на плечо. А налетевший ветер раздувает её. Солома начинает тлеть. Ваши ноздри уже улавливают запах гари. Вы же чувствуете, правда? Сначала легкий, он всё сильнее, и резче. Огонь разгорается всё ярче, и поднимается всё выше... Уже не искры, а настоящие языки пламени бегут по соломенным рукам...

Его голос укачивал, убаюкивал, и, будто чародейская ко-

лыбельная, погружал меня в странный транс. Всё вокруг исчезло. Остался только голос, запах гари и... огонь. Он родился внутри меня, где-то в желудке, ворвался в вены и яростно забился в груди. И вскоре вырвался на свободу. Я видела его. Даже сквозь плотно зажмуренные веки. Он пожирал несчастную куклу с алчностью голодного зверя, до пепла, дотла, до кружащих в воздухе тающих искр.

- Достаточно! – Влад хлопнул в ладоши, и транс, который я тщетно пыталась прервать, прекратился сам собой.

Я открыла глаза. Уставилась на пятна сажи на мраморе, припорошённые пепельной взвесью. На остатки куклы – обгоревший и промокший сноп, усмехавшийся чудом уцелевшим ртом. Похоже, пылающее чучело залили водой.

- Как вы видите, - повернувшись к аудитории, невозмутимо сказал ректор, - хороший гипноз может пробудить даже пока бесконтрольный дар. Если он, конечно, есть. В данном случае, он, безусловно, есть.

Я в отчаянии помотала головой. И, поражённая догадкой, воскликнула:

- Это сделали вы! Ну конечно же! Вы сами и сожгли чучело!

- Я не владею огнём, госпожа Васильева. Это – редкий дар. Редкий и очень опасный. Вы можете садиться.

Глава 3

Я не слышала, о чём ректор рассказывал дальше. Я сидела на своём месте и, не мигая, всматривалась в обгорелые останки чучела, до слёз, до рези в глазах. Мне казалось, я слышу, как с грохотом рушится карточный домик моих дурацких надежд. Сомнений больше нет, я – проклятая. Да, я не видела, как горел огонь. Но я чувствовала, как он возник. Возник в моём чреве.

- Эй! Ты чего? – Стас осторожно коснулся моего плеча. Я с раздражением повернулась к нему, и вдруг поняла, что плачу. И слёзы падают на тетрадный лист и разбегаются по нетронутой его белизне.

- Я – проклята... Проклята... - жалко морщась, шептала я.

- Ты – не проклятая. Ты – маг, - поправил он. – И какой! Огненные – до хранища редкие. Элитка! – он со смачным причмоком поцеловал кончики своих пальцев: - Чуешь, как они тебя боятся?!

И он щедрым жестом руки обвёл зал, полный сероволосых студентов.

- Да плевать! Теперь я не смогу вернуться домой... – прошептала я.

Он долго на меня смотрел странным, будто остановившимся, взглядом. И в голубых глазах его пополам было и сочувствия, и растерянности. А потом он проронил:

- А ты и так не вернёшься. Каждый дурак знает - нельзя объединить разделённое.

- И что это значит? - опешила я.

- Спроси-ка лучше у ректора, - отрезал Стас. – Я не хочу быть той сволочью, которая тебе это скажет.

И тут внезапно зазвенел звонок, заливая беседку визгливым дребезгом. Стас в одно движение смахнул все свои вещи в рюкзак и сказал мне:

- Пойдём, огненная, познакомлю тебя со своей стаей. Они, конечно, немного конченные... Но ничего. Я буду рядом, да ты и сама не промах...

- Вот так сразу? – растерялась я. – Я и тебя-то толком не знаю...

- А чего тянуть? Или у тебя были другие планы? – он насмешливо прищурился.

Планы. Ага, как же. Бегать по парку, рвать на себе волосы, сжечь кого-нибудь заживо...

- Пойдём, - сдалась я.

«Стая» расселась прямо на газоне под тугими кронами парковых дубов. Человек двадцать. Большинство весело болтали, один читал толстенную книгу, подложив под обложку коленку, двое боролись в траве, оглашая окрестности задорным матерком.

- Всем привет! – воскликнул Стас. – Знакомься, Лика, это – моя безумная семейка. Сестрёнки и братишки.

Многие повскакивали с мест. Вперёд вышел парень с

гладко зачёсанными в хвост волосами. На щеках румянец, раздвоенный подбородок и осанка, будто у наследного принца.

- Здравствуй тебе, огненная, - степенно и без улыбки сказал он. - В Кирации испокон веков не любят заклинателей пламени. Но мы рады тебе, ведь ты пришла с нашим братом.

Это звучало, как ритуальное приветствие, соскользнувшее на лужайку со страниц старинного манускрипта. Я не знала, как следует отвечать. Поклониться и поблагодарить? Сказать «спасибо»? Ответить подобной же фразой, не менее длинной и витиеватой? Вот ещё, не буду я ломать над этим голову!

Потому, я промолчала и неловко улыбнулась.

- Это – Ной, наш вирро, - представил парня Стас.

- Вирро? – заинтересовалась я. – Это титул?

- Почти. Когда придёт время, он возглавит наш клан.

- Прав-во назыв-аться в-вирро над-до ещё заслужить, - чуть заикаясь, произнес парень, державший в руках книгу. Он и не подумал вставать, лишь сел поудобнее и закрыл томик, заложив пальцем прочитанную страницу. На обложке из мягкой кожи пламенели буквы: «Былины долины Ветров».

- Заткнись, Гай! – резко бросил зайке Ной.

- Тут многие т-так думают. П-просто пока м-молчат. Вирру не п-передают в наследство, как б-бабушкину шаль. За неё д-дерутся. За неё ум-мирают.

Ной стремительно нагнулся к Гаю, сидящему на земле. И, схватив его за воротник, прорычал:

- И с кем мне драться?! Может, с тобой, доходяга?!

- А м-может и со м-мной! – гневно воскликнул парень. - Моя м-магия проснётся, и я б-буду гот-тов!

- А, может, и не проснётся, - глаза Ноя грозно полыхнули синим огнём. – Так тоже бывает. И ты так и останешься дохляком в облезлой шкурке!

Парень, стоявший за спиной Ноя, высокий и бровастый, услужливо хохотнул. А остальные молчали, хмуро переводя взоры между спорщиками. Даже драчуны раскатились в стороны и теперь сидели рядышком на траве и, переглядываясь, слушали разговор.

- Достаточно! – вмешалась одна из девушек, синеглазая красавица с серыми волосами, сплетёнными в две длинные косы.

- О-п-па, наша п-принцесска п-проснулась, - заикалисто хохотнул Гай.

- Завали хлебало, братик, - резко приказала она. – Или я отгрызу твой язычок. Или же, - она злорадно улыбнулась, - попрошу нашего папашу созвать Горн. Он уже грозил тебе, ты помнишь?

- В-вот ты как з-за...

- Хватит! – вмешался Стас и ровным тоном продолжил: – Мы же - не дикари. Долина приняла решение, Гай. Уважай его.

- А т-ты б-бы вообще молчал, столичный отъёмыш, - с отвращением сплюнул Гай. – Т-ты и так д-давно уже заб-был, что з-значит стая!

- Три секунды, Гай, - холодно уронила та, которую называли принцессой. – Две...

Заика с грохотом захлопнул книгу, поднялся на ноги и, обведя всех неприязненным взглядом, бросил:

- П-поговорим п-позднее, - и ушёл, независимо выпрямив спину.

Повисла тишина, напряженная и вязкая, как корабельная смола.

- А почему вы называете себя стаей? – спросила я, чтобы прервать её. По правде говоря, мне начало казаться, что я уже знаю ответ.

Ребята запереглядывались, заулыбались. Первой рассмеялась «принцесса», легко и свободно, запрокидывая голову и будто перекатывая в горле шарики смеха. Следом к ней присоединились и остальные. Даже Стас вторил им раскатистым хохотом.

- Потому, что мы – стая, - широко улыбаясь, ответил Ной, приближаясь ко мне. Он него вдруг пахнуло чем-то звериным, мускусом, сладковатым и терпким, и влажной шерстью. Языком он демонстративно облизал крупные зубы с выдающимися вперёд клыками. Слишком уж длинным, слишком уж массивными, чтобы быть человеческими. А зрачки его серо-зелёных глаз вдруг стали расти, удлиняясь и слипаясь

в вертикальные веретёнца.

- Мы – оборотни, Лика, - спокойно объяснил Стас. Локтём он едва заметно отпихнул в сторону слишком уж нависшего надо мной Ноя.

Тот день был долгим. Вал моих дурацких вопросов к стае оборвало начало следующей пары. Это, представьте себе, была математика. И, к счастью, принципы её ничем не отличались от уже знакомых мне с институтской скамьи. Зато потом была история. И больше всего она походила на эпический фэнтезийный роман. Кроме оборотней в Кантасе обитали ведьмы, эльфы и даже гномы. А в фабричных цехах можно было встретить настоящих гремлинов. Некроманты, загнанные в болота Гади, то и дело поднимали восстания, швыряя в бой легионы мертвецов. В далёких пустынях обитали коварные джины, а на берегах Сальмарильского океана водились (о Боже!) драконы.

А за обедом ко мне подсел Стас. С подносом в руках он прошёл через весь зал, и я видела, как его стая, сидящая единой компанией за крайним столом, провожает его любопытными взглядами. Оборотни с заговорщическим видом перешёптывались и смеялись. Только Гая среди них не было.

- Я хотел бы показать тебе город, - без лишних предисловий заявил Стас, плюхаясь на скамейку рядом со мной.

Я опасливо покосилась на его поднос. Шматов сырого мяса, сочащихся свежей кровью, там, к счастью, не оказалось. Только два кусочка сырной пиццы с аппетитно запечённой

корочкой и плошка с овощным салатом.

- Зовёшь девицу на прогулку с оборотнем? – с сарказмом спросила я. Хотя, откровенно говоря, слово «девица» было некоторым преувеличением.

Но Стас серьёзно кивнул.

- Я вырос в столице, - заявил он. – И знаю там каждый проулок. Я покажу тебе наш мир, огненная. Если ты, конечно, не боишься.

- Боюсь?! – возмутилась я. – С чего бы это?

Стас не ответил. Только демонстративно облизал выдвинувшиеся вперёд клыки. А потом, наклонившись ко мне, дразняще спросил:

- Итак?

От него крепко пахло звериной шерстью и, сладко и приятно, ароматом мужских духов.

- Только если на часок, - сдалась я.

В конце концов, надо же мне вливаться в коллектив. Похоже, я застряла тут надолго. Сегодня я целый день пыталась поговорить с Владом. Несколько раз я видела его в коридоре, но, заведя меня, он тут же трусливо сбегал. Ничего, никуда он от меня не денется. А ответы на мои вопросы могут знать и другие.

Такси было совершенно обыкновенным. Жёлтенькое, с фигурными шашечками на капоте. За рулём - водитель-усач, под лобовым стеклом - ароматизатор в форме ёлочки.

Стас открыл мне дверь и, усевшись, бросил:

- В центр.

А я прильнула к окну. Я знала эту дорогу, в Старке мы с мамой ездили по ней на дачу. В царство парников, розовых клумб и выстроившихся по линейке капустных грядок. После смерти бабушки её владения запустели, заросли травой и уже нечасто встречали городских гостей.

Мы ехали мимо озера. Береговая линия поросла рогозом, качались на ветру каштановые початки. В воде отражалось небо, и купались пенные облачка.

- Оно – такое же... - прошептала я, чувствуя, как по спине рассыпаются ледяные мурашки. – Абсолютно! Даже островок в центре тот же самый...

- Такое же, как в Старке? – без удивления уточнил Стас и, когда я кивнула, продолжил: - А как ты хотела? Кантас – идеальная копия Старка. Идентичная! – он назидательно вскинул палец вверх. – Да, города – другие, потому что и мы сами – другие. А природа... Что ей будет-то? Мы же не копали тут новых морей и не возводили гор.

- Ну допустим. И с проклятыми тоже всё более или менее понятно... А гномы, эльфы, гремлины и... - я поёжилась, - драконы. Они-то откуда взялись?

- Ниоткуда. Они всегда были. Как говаривает Ной, по поводу и без, испокон времён.

- Ну не в Старке же!

- Именно что в Старке. Что, огненная, - с сарказмом уточ-

нил он, - в ваших лживых книжонках об этом не пишут?

Я промолчала. Для пламенной защиты старкианской пропаганды мне не хватало истовой веры в её правдивость. В конце концов, я своими глазами видела оборотней. И почти не сомневалась, что и остальное существует тоже. Даже... драконы.

- Они ушли вместе с нами, - не дождавшись ответа, объяснил оборотень. – Волшебныедохнут без магии.

- А ты? Ты же - проклятый? Или... - я хотела сказать «зверь», но не стала. Интересно, он реально превращается в волка? А, может, в серую рысь? Весь? Целиком? Или отрацивает в полнолуние только когти и ушки?

- Я – человек, маг и оборотень. А в вашей дебильной систематизации я ни черта не смыслю. Сама уж как-нибудь меня классифицируй, лады? – с сарказмом предложил Стас.
- Кстати, мы подъезжаем.

А за окошком уже проносились небоскрёбы-карандаши, расцветенные персиковой кистью начинающегося заката. Меж розоватых облаков парили дирижабли, неслись машины по шоссе, и витрины встречали гостей ослепительным глянцем неона.

- Здесь тормозните, - внезапно сказал Стас, - вон, за переходом. Оплата по карте.

Такси остановилось. Мы вышли. Справа над нами нависали высоченные дома из песочного кирпича, увитые причудливыми башенками. А слева лежал парк. Над кленовыми

рощами возвышались спинки шатров и железные скелеты аттракционов.

- Всё-таки, город - действительно другой, - задумчиво констатировала я. – Издали похож, да, но ни одного знакомого здания.

Стас кивнул. Сказал:

- Мне было лет восемь, когда мы сюда переехали. И этот парк – первое, что я запомнил.

- Поэтому Гай назвал тебя отъёмышем? – внезапно вспомнила я. – Потому, что ты вырос за пределами долины?

- Угу. Вне стаи, - небрежно ответил Стас, но мне показалось, что тема ему неприятна. Но мне очень хотелось разобраться, поэтому я осторожно спросила:

- Вашу семью изгнали? – моё безумное воображение услужливо нарисовало мне живописную картину. Мужчины с волчьими головами и в судейских мантиях по очереди дуют в огромный горн. А потом самый высокий стучит деревянным молоточком и громогласно чеканит: «изгнать».

- С чего ты взяла? – изумился оборотень, который, по счастью, не читал моих мыслей. – Мой отец – посол долины в королевском дворце. Поэтому, мы и торчим здесь.

- В королевском дворце? – опешила я. – У вас, что, есть король? Настоящий, как в сказках?

- Даже три короля. Те ещё уроды, если честно. Все трое. Какие уж там сказки...

- Зачем три-то? – изумилась я.

- По одному у магов, у эльфов и у драконов.

- А как же гномы? Недемократичненько...

- Они копошатся в своих норах, и мы им побоку. «Недемократичненько...» Эти земляные хорьки и слов-то таких не знают. Ну что, огненная... Я всё жду вопросик про ведьм? Летают ли они на мётлах? Сношаются ли с козлами? В каких именно позах?

- Обойдёмся без ведьмовской Камасутры, - отрезала я. – Пойдём. Покажешь мне свой парк. Но с одним условием.

- Я готов тебя поцеловать и просто так, - нагло заявил оборотень. – Даже прямо сейчас. Зачем нам какие-то условия?

- Вот ещё! Обойдёшься! Это - даже не свидание! Один вопрос Стас. И честный ответ.

- Я всегда готов, - развеселился оборотень. Кажется, он понял меня неправильно... Но я и не собиралась ничего ему объяснять.

- Ну вот и договорились, - и я первой шагнула на тропку, ведущую в гущу рощи.

И дорожка, выющаяся меж разлапистых клёнов, вскоре привела нас на большую площадь. Чего тут только не было! Дрожали на ветру пологи разноцветных шатров, в соседнем тире гулко плевались дробью винтовки, а в самом центре стояли золочённые клетки с диковинными зверями. Перетаптывался с лапы на лапу длинношерстый волк, весь расписанный сияющими завитками колдовских узоров. Чёрная двухголовая рысь деловито вылизывала шёрстку раздвоен-

ным длиннющим языком, а потом вдруг вскинула вторую голову и уставилась прямо на меня. И её миндалевидные глаза, огромные и будто разумные, полыхнули ярко-салатовым огнём.

- На. Цветочное пиво, - возникший из ниоткуда Стас протянул мне бутылку с яркой этикеткой. Я так увлеклась разглядыванием всего вокруг, что и не заметила, как он отошёл.

Я осторожно понюхала горлышко. Пахло цветами, ванилью и ржаным солодом.

- Тут же нет проклятия? – подозрительно спросила я и тут же поправилась: - То есть, магии...

- Конечно, есть, огненная, - Стас, пугая, завращал глазами, то сужая, то расширяя зрачки. И проговорил зловещим шепотом: – Тут кругом проклятия. Под ногами, в воздухе и даже в тебе, - он ткнул в меня своим указательным пальцем и, фыркнув, нормальным тоном добавил: - Пей давай. Оно вкусное.

Смирившись, я сделала глоток и поняла, что пиво, терпко-сладкое и чуть хмельное, - именно то, чего мне не хватало весь день.

- Спасибо, - выпив залпом всю бутылку и отдышавшись, сказала я. И заозиралась вокруг в поисках новых впечатлений.

Взгляд мой упал на чёрный шатёр, весь расписанный сияющими рунами. За раскладным пластиковым столом сидела женщина в ярких одеждах. На голове цветастый платок,

украшенный золотыми кольцами. На шее – манисто из серебряных монет, издающее мелодичный перезвон. Шелковый палантин спадает до пола глянцевыми волнами. А перед ней, объятый аурой голубоватой света, стоит на подставке магический шар.

- Гадалка! – обрадовалась я. – В Старке мне одна такая нагадала богатого мужа и казённый дом... С последним, кстати, угадала – на следующий день мне пришлось тащиться в полицию...

- Ты украла чьё-то сердце? Или просто мотоцикл?

- Антона забирала после пьянки... - я вздохнула. Мне не хотелось вспоминать.

- А Антон – это...?

- Послушаем, что предскажет эта, - проигнорировав вопрос, я решительно зашагала к шатру.

- Стой! – Стас крепко схватил меня за руку. – Не надо, слышишь?! Это тебе не старкианская шарлатанка... Она же может и правду сказать...

- Ты так говоришь, как будто это – плохо.

- Иногда – очень, - со знанием дела сказал оборотень и настойчиво потянул меня за рукав, - брякнет ещё какую-нибудь гадость и испортит настроение на весь день. Пойдём, я лучше покажу тебе драконий дом. Крутецкое место!

В голубых глазах его плескалась растерянность. И... страх?

- Нет уж! – я с негодованием вырвала руку и, почти в при-

прыжку, побежала к шатру.

- Садись, красавица, - стереотипно молвила гадалка и рядом с ней из ниоткуда возник стул. Ну возник, и возник. Я уже почти привыкла. Спокойно села и бесцеремонно уставилась на гадалку. Она была совсем молодая, чуть-чуть постарше меня. Бледная кожа, карие глаза с винным отливом, пухлые щёчки, покрытые колдовскими узорами. Когда она двигалась, монетки на ее ожерелье мелодично звенели.

- Я хочу... - начала было я.

- Я знаю, - перебила меня гадалка. – Вернуться домой. Но это невозможно. Ведь ты никуда не уходила.

- Да что ты?! – сердито воскликнула я, порываясь встать. И никакая это не гадалка, такая же шарлатанка, как старкианские бабки с шарами из дутого пластика. Наверное, опознала во мне старкианку по манере держать себя и завела любимую шарманку кантовчан. Невозможно вернуться домой! Бла-бла-бла...

- Скажи мне, что такое Старка? – вдруг спросила гадалка и карие глаза её внезапно полыхнули янтарным колдовским огнём.

- Другой мир, - сообщила я очевидное. – Мой мир.

- Твой. Но другой ли?

- Я не понимаю... - жалобно пробормотала я. Я была уверена, что проклятая гадалка морочит мне голову, но этот огонь в её глазах... Внутри меня будто что-то отзывалось ему. И я не трогалась с места.

- Вот когда ты поймёшь, «смотрящая между», тогда всё и случится. А теперь ступай, - величаво приказала она с интонациями девяти столетней императрицы.

- И всё?! – разозлилась я. – Паршивые же в Кантосе провидицы...

- Нуждающийся, да услышит... - ответила противная девушка, и я внезапно обнаружила себя стоящей около вольера с синешкурым слоном, хобботом трубящим задорный ритм. Шумела толпа. Пахло попкорном и слоновьим дерьмом. Рядом растерянно топтался Стас. Он хмуро взглянул на меня и спросил:

- Ну, и что она сказала?

- Да чушь какую-то! – в сердцах воскликнула я. «Смотрящая между»... Что, чёрт побери, это значит?

Мой ответ будто успокоил оборотня, он облегчённо вздохнул и заулыбался. Но я была твёрдо намеренна испортить ему настроение и, наконец, хоть что-то понять.

- Ты обещал мне ответ, - злорадно напомнила я.

- Миссионерская – мне не очень, - быстро ответил этот поганец.

- Слышь, ты! – я сердито стукнула его кулачком в плечо, а он лукаво ухмыльнулся.

- Ты разве не это хотела узнать? – деланно изумился он. – Странно. Ну, тогда – спрашивай.

- Кто такие Пришлые?

Он вздохнул и поморщился. Потом кивнул собственным

мыслям и спокойно сказал:

- Вряд ли тебе интересны волчьи сказочки. Пойдём, я отведу тебя к тому, кто всё тебе расскажет.

А в голубых глазах его застыл вдруг холод.